

вотъ его со страшной силой захватываетъ «соблазнъ творчества», соблазнъ искусства.

На него еще вліяетъ оцѣнка общая, человѣческая, виѣшняя; онъ не можетъ справиться съ упоеніемъ растущей славы, признанія, извѣстности. Въ «Исповѣди» онъ достаточно опредѣленно говоритъ объ этомъ. Наконецъ, съ женитьбой и устройствомъ теплаго человѣческаго гнѣзда, его окончательно захлестываетъ личное, свое; онъ готовъ отстаивать и защищать свое счастье, свое наслажденіе, свои могуче захватившія его жизненные удовлетворенія. Художественное творчество и семейный уютъ совершенно заполнили на нѣсколько лѣтъ его жизнь. Онъ самъ признается, что въ это время былъ «пьянъ жизнью», былъ захваченъ ею неотразимо, предаваясь только силѣ и радости удовлетвореній.

Но проходитъ опьяненіе—и снова вліяніе той же внутренней силы сказывается въ его жизни, и опять стоитъ онъ передъ невозможностью жить безъ оправданія всего міра и себя въ немъ.

Подъ нимъ проваливаются всѣ его устои—и писательскій, и семейный, и непосредственно-жизненный. Изнутри кто-то подточилъ всѣ его устои, какъ древесный жучокъ подтачиваетъ дубъ; то, чѣмъ онъ жилъ въ эту эпоху метаній и пустоты, было горечь, воз-